

И. Н. Филиппова
Москва, МГОУ

ТРАНСКРИПЦИЯ – АННИГИЛЯЦИЯ СМЫСЛА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ?

В статье представлены результаты сопоставительного анализа реалий в пьесе М. А. Булгакова «Иван Васильевич» и их транскрибированного перевода на немецкий язык. Выявлена прагматическая установка автора на использование реалий как средств создания исторического и этнографического колорита, юмористического эффекта. Показаны основные проблемы использования транскрипции для межъязыковой и межкультурной передачи реалий, выявлены различные отклонения от адекватного перевода. Отмечены семантическая бедность транскрипции, неудачи использования ее в макростратегии форенизации и микростратегии передачи отдельных единиц. Демонстрируется неоднозначность статуса транскрипции как приема перевода маркированной лексики: доказана методологическая ограниченность транскрипции и подвергнуты анализу средства нивелирования ее недостатков для оптимизации ее использования и достижения адекватности перевода, такие как необходимость точного предпереводческого прогноза потенциальных реципиентов и комплексное применение нескольких приемов перевода реалий. Намечена перспектива дальнейших исследований.

В современном языкознании среди многочисленных сложных проблем значительное внимание исследователей привлекает изучение культурологических аспектов перевода как межъязыковой речевой деятельности. Именно перевод предоставляет носителям разных языков знакомиться с культурными достижениями друг друга, проникать в их специфическое видение мира и делает возможным взаимообогащение культур. Особое место в этом процессе принадлежит переводу художественной литературы, кладезю национального опыта мироотражения, получающему продолжение и новую интерпретацию в творчестве писателя. Квинтэссенцией национального культурно-исторического содержания выступают маркированные единицы, которые терминологизированы в лингвистике в понятиях *реалии*, *историзмы*, *культуре-мы*, *хронотопы*, а в переводоведении – в понятиях *безэквиваленты*, *лакуны*, *варваризмы*, *экзотизмы*.

Вопрос о переводе «единиц национального языка, обозначающих уникальные референты, свойственные данной лингвокультуре и отсутствующие в сопоставляемой лингвокультурной общности» [1, с. 251], сопряжен с лингвистической теорией текста и представляет значительную трудность в выборе адекватных трансформационных приемов для передачи национального и исторического колорита, так как лингвокультуремы не имеют, как правило, точных эквивалентов в других языках.

Задача теоретического осмысления гипотезы о возникновении лакун при взаимодействии разных лингвокультурных общностей (как национальной картины мира) и проверки ее на материале конкретных языков остается актуальной в переводоведении и сопоставительном языкознании. Для настоящей статьи языковые и переводческие факты почерпнуты путем выборки из комедии М. А. Булгакова «Иван Васильевич» (1936) [2] и ее перевода на немецкий язык, выполненного издательством Volk & Welt (1982) [3]. Из общего объема текста пьесы на исходном языке (ИЯ) и языке перевода (ПЯ) 5,9 п.л. выделены в русском тексте 35 реалий, их соответствия на немецком языке составляют 37 единиц.

Исследуемое произведение – яркий пример отражения социально-исторического и национально-культурного опыта нации в литературе. Ирония, аллюзии, вневременная мораль пьесы обеспечили ей многолетнюю любовь в русскоязычном обществе, усиленную посредством кино – в интерпретации Л. Гайдая и блестящего актерского коллектива.

В комедии М. А. Булгакова «Иван Васильевич» реалии способствуют воплощению замысла автора и используются им для воссоздания в тексте этнографических особенностей Московской Руси и СССР начала 30-х гг., временного колорита и для создания юмористического эффекта, что обуславливает объективную актуальность и значимость оценки адекватности их перевода.

Традиционные в теории перевода термины *прием перевода* или *переводческий прием* [4, с. 151] в отношении единиц с историческим колоритом условны: они, как правило, непереводаемы, и, как правило, передаются бессемантическими способами (транскрипцией и транслитерацией), уподобляющими (замена функциональным аналогом) и нейтрализующими способами (гиперонимизация, элиминация, разъяснительный перевод). Следует отметить, что подходы теоретиков и практиков перевода [5, с. 14] к анализируемому феномену очень разноаспектны и разнонаправлены.

Трудность при передаче таких единиц состоит в необходимости наряду с предметным значением (семантикой) передать и колорит – национальную и историческую окраску [6, с. 64–66]. Именно в связи с национально-исторической маркированностью и высокой функциональной значимостью реалий в ИТ большой интерес для их межъязыковой передачи вызывает транскрипция как прием перевода.

Реализация транскрипции как переноса звукового облика реалии языка источника в язык перевода позволяет некоторым исследователям интерпретировать ее как механическую или формальную передачу. В анализируемом ПТ транскрипция используется для передачи 7 единиц, что составляет в фактическом материале 19 %.

Транскрипция предполагает введение в текст перевода при помощи графических средств ПЯ соответствующей реалии с максимально допустимым этими средствами фонетическим приближением к ее оригинальной фонетической форме. Желательность применения транскрипции при передаче реалий обусловлена тем, что при удачном транскрибировании переводчик может добиться преодоления обеих упомянутых выше трудностей – передачи и смыслового содержания и колорита. При отсутствии в языке перевода буквы, обозначающей звук, по своему звучанию схожий со звуком в исходном тексте, применяются сочетания букв, дающие соответствующее звучание. Так, русское *x* передается в немецком языке через сочетание *ch, uç* – через *sch*.

Выбор транскрипции при переводе зависит и от читателя, на которого ориентирован текст. В таком случае, имея более или менее точный портрет будущего реципиента текста, переводчик может прогнозировать степень известности реалии читателю. Наиболее широко транскрипция применяется по отношению к знакомым реалиям: интернациональным, региональным, своим (при их наличии в исходном тексте) – особенно если они отвечают правилу стилистической яркости. Одно из основных достоинств транскрипции как приема – максимальная краткость, это нередко определяет обращение к ней переводчиков и обуславливает ее значительную частотность.

Однако транскрипция может оттеснить на второй план передачу смыслового содержания реалии, не выполнив тем самым коммуникативную задачу перевода. Транскрибированная передача имени инокультурного явления, не знакомого реципиенту, не позволяет раскрыть семантику единицы ИЯ и способна спровоцировать ситуацию коммуникативной неудачи.

Следует также отметить, что обилие транскрибированных слов может привести к перегрузке текста реалиями, которая не сближает читателя с подлинником, а отдаляет от него, вызывая отторжение ПТ вследствие его нарочитой инородности, чужеродности [7, с. 876]. Такое использование транскрипции как отражение макростратегии форенизации (подчеркнутой инокультурности) представляется неуместным и предопределяющим отказ реципиентов от межкультурного диалога.

В ПТ переводчик периодически обращается к приему транскрипции при передаче исторических, этнографических, общественно-политических реалий.

В ИТ в диалоге с Буншей-царем посол требует вернуть шведам *Кемскую волость*: *das ist zer ernste frage... Кемска волост...* [2, с. 509] – ‘*Ernste Frage. Kemer Wolost*’ [3, S. 295]. Нелишним будет напомнить, что «волость – низшая административно-территориальная единица, входившая в состав уезда в доре-

волюционной России и в СССР до 1930 года» [8, с. 130]. Примечательно, что далее по тексту следует еще несколько упоминаний этой же реалии, однако стратегия перевода меняется, переводчик прибегает к иному приему: *они Кемскую волость требуют. Воевали ее, говорят, так подай теперь ее, говорят!* [2, с. 509] – ‘Sie verlangen **das Gebiet Kem**’ [3, S. 295]. В данном случае использован уподобляющий перевод, в ПТ встроена единица культуры, родной для читателей ПТ, нивелируя возможные потери содержания при транслитерации.

Обнимает *патриарха*, причем у того с груди пропадает *панагия* [2, с. 511] – ‘umarmt **den Patriarchen**, wobei diesem **die Panagia** von der Brust verschwindet’ [3, S. 297]. Реалия патриарх вызывает особый интерес, поскольку здесь мы имеем дело с авторской неточностью. Патриаршество в России было учреждено в 1589 г. при царе Фёдоре Иоанновиче стараниями Бориса Годунова; до того времени главой русской церкви был митрополит. Но действие комедии Булгакова происходит во времена опричнины, мы не можем назвать точную дату, но определенно до 1572 года, когда, по словам историка В. И. Морякова, «Иван Грозный отменил опричнину и запретил даже упоминать это слово» [9, с. 71]. Представляется маловероятным широкое знакомство немецкоязычных читателей, где более популярны протестантизм и католичество, с иерархией и внешними атрибутами православных священнослужителей, однако дополнительных затекстовых комментариев ПТ не содержит. В данном фрагменте можно с большой долей уверенности прогнозировать коммуникативную неудачу из-за когнитивного диссонанса: вследствие различного культурно-исторического опыта читателей ИТ и ПТ фрагмент содержания остается непонятым последними, не получая семантического отражения средствами ПЯ.

Боярин, ищи ключ! [2, с. 472] – ‘Bojar, such den Schlüssel!’ [3, S. 261] *А боярыня твоя где?* [2, с. 472] – ‘und wo ist deine **Bojarin**?’ [3, S. 261]. В передаче этих единиц транскрипция также проявляет свою семантическую бедность. В первом случае при обращении Грозного к Тимофееву ранее использовавшаяся единица *князь* после отречения последнего от принадлежности к знати (*Какой там князь! У нас один князь на всю Москву, и тот утверждает, что он сын кучера* [2, с. 472]) замещается иным титулом, *боярин* – «высшее звание в Московской Руси, которое имели крупные землевладельцы, феодалы, лицо, имевшее это звание» [8, с. 28]. Несомненно, читатель ПТ из контекста получает представление о том, что в речи персонажей фигурируют сословные реалии, но значение их и взаимное соотношение остается неясным, так как также не раскрывается полностью их семантика. Гендерный маркер в виде суффикса *-in* позволяет реципиентам иной культуры понять родственные связи между изобретателем и его женой, идентифицируя в них супругов.

Аналогичным недостатком, нехваткой семантического содержания реалий (особенно, этнографических), страдают и другие примеры использования транскрипции: *Как эти гусли-то очарованные играют?* [2, с. 489] – ‘Wie spielt man diese verzauberte **Gusli** dort?’ [3, S. 272] *Выхватив из-под кафтана нож...* [2, 493] – ‘Holt ein Messer unter **dem Kaftan** hervor...’ [3, S. 275].

Подводя итоги представленного выше сопоставительного анализа, можно с достаточной обоснованностью, подтвержденной эмпирически, утверждать, что транскрипция как прием межъязыковой передачи реалий сопряжена с содержательными потерями и может провоцировать коммуникативные неудачи ввиду своей методологической ограниченности. Однако рассмотренный фактический

материал не позволяет считать транскрипцию однозначно обуславливающей неадекватность перевода. Для полной оценки статуса транскрипции как приема перевода маркированных единиц требуется принимать во внимание многочисленность факторов, опосредующих процесс перевода [10, с. 403; 11, с. 188], среди которых (по результатам представленной работы) особое значение имеют недостаточное прогнозирование уровня фоновых знаний реципиентов ПТ, неверная микростратегии перевода. Для точной идентификации места и приемлемости транскрипции в межкультурной и межъязыковой передаче реалий (и т.п. единиц) необходимо также исследование на материале текстов различных функциональных стилей, литературных направлений и жанров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Швейцер, А. Д.* Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. – М. : Воениздат, 1973. – 280 с.
2. *Булгаков, М. А.* Романы. Пьесы / М. А. Булгаков. – М. : Эксмо, 2009. – 670 с.
3. *Bulgakov, M.* Stücke / M. Bulgakov. – Berlin : Volk & Welt, 1982. – 352 S.
4. *Нелюбин, Л. Л.* Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 318 с.
5. *Филиппова, И. Н.* Лингвистическая объективация холизма / И. Н. Филиппова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – 2013. – № 4. – С. 14.
6. *Алексеева, М. Л.* Перевод реалий и реалии перевода / Л. М. Алексеева. – Екатеринбург : Академия, 2007. – 180 с.
7. *Филиппова, И. Н.* Инокультура в переводе: чужая или чуждая? / И. Н. Филиппова // Большое Евразийское партнерство: лингвистические, политические и педагогические аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М. : ИИУ МГОУ, 2018. – С. 870–877.
8. *Рогожникова, Р. П.* Словарь устаревших слов русского языка / Р. П. Рогожникова. – М. : Просвещение : Учеб. лит., 2010. – 320 с.
9. *Моряков, В. И.* История России / В. И. Моряков. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – 496 с.
10. *Филиппова, И. Н.* Прагмалингвистические основания теории и практики перевода / И. Н. Филиппова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 403.
11. *Филиппова, И. Н.* Прагмалингвистика, перевод и переводоведение / И. Н. Филиппова // Контрастивные исследования и прикладная лингвистика : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 ч. – Минск, 2015. – Ч. 1. – С. 197–201.

We present the results of a comparative analysis of the realities in the play of M. A. Bulgakov “Ivan Vasilyevich” and its transcribed translation into German. We show the main problems of using transcription for interlanguage and intercultural translation of realities. We demonstrate the ambiguity of the status of transcription as a method of translation.